

Илья Репин

Далекое близкое

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 75
ББК 85.14
Р 41

Оформление обложки Валерия Гореликова

Подбор иллюстраций
Екатерины Мишиной, Александра Сабурова

В оформлении издания использованы репродукции картин
И. Е. Репина из собрания Государственного Русского музея:

Л. Н. Толстой босой. 1901

Крестьянин в армяке. Женщина в платке. 1880

Портрет В. В. Стасова. 1883

Бурлак. 1870

Диоген и мальчик. 1867

Садко. 1876

ISBN 978-5-389-33531-8

© Русский музей, Санкт-Петербург

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДЕТСТВА

1844–1854

I

ОБЪЕЗД ДИКИХ ЛОШАДЕЙ. — КАЛМЫК

В украинском военном поселении, в городе Чугуеве, в пригородной слободе Осиновке, на улице Калмыцкой, наш дом считался богатым. Хлебопашеством Репины не занимались, а состояли на положении торговцев и промышленников. У нас был постоянный двор.

Домом правила бабушка. Широко замотанная черным платком, из-под которого виден был только бледный крупный нос, она с раннего утра уже ворчала и бранилась с работниками и работницами, переворачивая кадки и громадные чугуны, проветривавшиеся на дворе.

Кругом большого светлого двора громоздились сараи, заставленные лошадьми и телегами заезжего люда. Повсюду стояла грязь, коричневые лужи и кучи навоза.

Днем широкие ворота на Калмыцкую улицу оставались открытыми, и через них поминутно въезжали и выезжали чужие, проезжие люди. Становились как попало на дворе или в сараях и хозяйничали у своих телег: подпирали их дугами, снимали и подмазывали дегтем колеса черными квачами¹ из мазиц. Лошади с грубой дерзостью таскали

¹ *Квач* — самодельный помазок для дегтя из тряпки, намотанной на конец палки. (Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора).

из рептухов¹ сено, бóльшая часть его падала им под ноги, в навоз, затаптывалась.

Отец мой, билетный солдат, с дядей Иваней занимались торговлей лошадьми и в хозяйство не мешались.

Каждую весну они отправлялись в «Донщину» и приводили оттуда табун диких лошадей.

На месте, в степях, у богатых донских казаков-атаманов, лошади плодились круглый год на подножном корму и потому стоили дешево (три-пять рублей за голову), но пригнать из-за трехсот верст верхом и объездить дикую лошадь составляло серьезное и трудное дело. Отец говорил:

— Тут без помощи калмыков ничего не выйдет, одно несчастье!

Дядя Иваня, вечно на коне, в шапке-кучме (папахе), был черен, как черкес, и ездил не хуже их, но калмыкам удивлялся и он. Калмык с лошадьёю — одна душа. Опрометью бросившись на лошадь, вдруг он гикнет на табун так зычно, что у лошадей ушки на макушке и они с дрожью замрут, ждут его взмаха нагайкой, в конце которой в ремне вшита пуля. Одним ударом такой нагайки можно убить человека.

У нас на Руси широки столбовые дороги, есть где табуну пасть на даровой траве и отдохнуть всю ночь. Но боже упаси заснуть погонщику близ яровых хлебов! Дикие кони тихой иноходью — уже там, в овсах, и выбивают косяк чужого хлеба.

Проснулись хохлы-сторожа, с дубинами и кольями бегут загонять табун... Поди выкупай! Калмык убил бы себя нагайкой в лоб за такую оплошность. Привязанный к его ноге горбоносый донец заржет вовремя и так дернет крепко спящего хозяина, таща его по кочкам к табуну, что только мертвец не проснется. Как лошадиный хвост от комаров, калмык

¹ *Рептух* — холщовый мешок, служащий походной кормушкой для лошадей.

взмахнется на своего поджарого и так зычно гикнет на лету на лошадей, что самому ему останется только исчезнуть в облаке черноземной пыли, взбитой табуном. А хохлы с дубинами долго еще стоят, разинув рот... Наконец перекрестятся:

— Оце, мабудь, сам чортяка! А хай йому біс!.. Нечиста сила!¹

В углу нашего двора были широкие ворота на пустошь, которая оканчивалась кручей к Донцу, заваленной целыми горами лошадиного навоза. Что было бы здесь, если бы в половодье Донец не уносил своим течением всего этого «золота» вместе с обвалившимися берегами кручи! Посредине пустоши был врыт крепкий столб. Сюда загоняли табун и здесь начинали учить диких лошадей житейской добродетели в оглоблях и седле.

При малейшем беспокойстве лошади неслись в какой-нибудь угол пустоши и там сбивались в каре. Дружно, головами вместе, они начинали так энергично давать козелки задними ногами, что комки земли и навоза далеко отлетали в лица подходящим. С косыми огненными взглядами и грозным храпом, степняки казались чудовищами, к ним невозможно было подступить — убьют!

Но у калмыка аркан уже методически свернут кольцами. И вот веревка змейкой полетела к намеченной голове, по шее скатилась до надлежащего места, и чудовище в петле. Длинный аркан привязывают к столбу и начинают полегоньку отделять дикую от общества, подтягивая ее к центру двора. Любезностями на конском языке междометий ее стараются успокоить, обласкасть! Но чем ближе притягивают ее к столбу, тем бешенее становятся ее дикие прыжки и тем энергичнее старается она оборвать веревку: то подскакивает на дыбы, то подбрасывает задними копытами в воздухе. И кажется, что из раздутых красных ноздрей она фыркает огнем.

¹ Это, наверное, сам черт! А бес с ним!.. Нечистая сила! (укр.)

До столба осталось уже не больше сажени. Конь в последний раз взвился особенно высоко на дыбы, и, когда он стал опускаться, калмык вдруг бросился ему прямо в объятия, повис на шее и, извернувшись, в один миг уже сидел на его хребте. Тогда с обеих сторон схватились за гриву наши работники, повисли на ней и стали подбивать в чувствительные места под передние ноги. Лошадь пала на колени, и голова ее очутилась во власти третьего работника: он захватил ее верхнюю губу, зажал и, завязав между особо приспособленными деревяшками, начал ее закручивать. Оскалились длинные белые зубы, открылись десны, и лошадь оцепенела от боли и насилия. Ей наложили на спину седло, продели под живот подпруги, затянули крепко пряжки, а калмык уже разбирает казацкие стремяна, сидя на высоком седле. Несут и уздечку, продели между зубов удила (трэнзель), чтобы лошадь не закусилась...

— Отвяжите аркан! — командует калмык пересохшим голосом.

Аркан сняли с потемневшей шеи, и работники мигом отскочили в разные стороны. Лошадь уже лежала под калмыком, тяжело дыша.

Калмык взмахнул в воздухе нагайкой, и конь подскочил, встряхнулся.

И вдруг стал извиваться змеей и метаться в разные стороны, стараясь стряхнуть с себя седока; и опять начались дикие прыжки, взвивание на дыбы и козелки, чтобы сбросить непривычную тяжесть.

Калмык крепко зажал коня икрами в шенкеля и повернул его к воротам. «Отворяй ворота!» — визжит калмык. Нагайка свистнула, и конь мгновенно получил с одного маху по удару с обеих сторон по крупу. Он прыгнул вперед и понесся в ворота. Калмык гикнул на всю улицу, эхо отозвалось в лесу за Донцом. Пешеходы отскочили в испуге, бабы стали креститься, дети весело завизжали. Калмык стрелой понес-

ся по большой дороге мимо кузниц, за Донец... Скоро и след его простыл, только столб пыли висит еще в воздухе...

Часа через четыре никто не узнал бы возвращавшегося к нашим воротам калмыка. Лошадь плелась пошатываясь, опустив мокрую голову с прилипшей к шее гривой; она была совсем темная. Калмык сидел спокойно и сосал свою коротенькую трубочку, подняв плоское лицо кверху; глаза его, «прорезанные осокой», казалось, спали.

Хорошо обошлась школа, добрый конь будет.

Но не всегда объездка проходила так удачно. Однажды калмык не «спапашился» и, кинувшись на шею взвившейся на дыбы лошади, угодил лицом на переднее копыто. Широкое лицо его мигом залилось кровью, но калмык не опешил: отплеываясь собственной кровью, он умело барахтался между ногами лошади, и привычно пролез на спину коня, и уселся верхом как следует, но в каком виде!.. Лошадь, очевидно, была бешеная, движения ее были сумасшедшие и сбивали с толку опытного калмыка. Застыв на минуту под всадником, дикое животное вдруг выкинуло такой зигзаг, что всадник едва не слетел и удержался только за гриву, а лошадь с размаху рухнула к столбу... Внутри у нее что-то лопнуло, горлом хлынула алая кровь, и она пала. Кстати, и калмыку необходимо было слезть и сделать себе перевязку: через нос и скулу у него шла глубокая рана и сочилась черной кровью.

При этой оказии я, бросившись в сторону, упал лицом в землю и набрал себе полон рот песку. Гришка Копьев, наш работник, взял меня на руки, своей корявой рукой вытер мне лицо и пальцем вычистил песок из моего рта. И его рыжая веснушчатая рука, и сам он мне очень нравились. Мне так было весело и спокойно сидеть у него на руках и смотреть на все свысока! Я близко разглядывал его рыжую бородку, скобку волос и широкую скулу. Но на зубах у меня еще трещала земля.

Гришку я любил; он ездил верхом не хуже калмыка и ни-сколько не боялся лошадей. Раз на вороном жеребце — то-го на цепях выводили, — когда конь поднялся на дыбы, Гришка так огрел его кулаком между ушей, что жеребец да-же на передние ноги сел... Я бывал счастлив, когда Гришка брал меня верхом на водопой. Сажу я перед ним на холке коня и замираю от ужаса, когда конь идет в глубокую бездну воды: бездонная пропасть казалась мне ужасной. Облака! Но вот на дне облака заколыхались, лошадь стала бить но-гой по воде. Кругом запенилось. Как весело! Брызги летят до самого лица — приятно, и страх провалиться вниз, в об-лака, прошел.

Когда табун угоняли на ярмарку, чумаки на этой пусто-ши варили себе кашу, и тут же лежали их волы, пережевыв-вая жвачку и тяжело дыша.

Нам, детям, очень нравилось смотреть на их котелок, ви-сящий на кольях, в треугольнике, когда под ним так весело горит огонек и стелется к Донцу голубой дымок. Лица у чу-маков так черны, что даже огонек их не освещает; и рубахи их и «штаны» вымазаны дегтем. «От так здоровіше»¹, — гово-рили они. И руки коричневые, только ногти да зубы белые.

Мы с сестрой Устей долго их боялись и не подходили близко, хотя бегали около, играя в коня. Я держал веревоч-ку в зубах и старался прыгать, как дикая лошадь. Устя была за кучера.

Видим, один чумака ласково улыбнулся белыми зубами и протянул нам хорошую светлую веревочку. Я взял ее в зу-бы вместо своей, она была очень вкусна — совсем тарань, соленая. Они везли тарань из Крыма.

— Вы это сами кашу себе варите? — спросила Устя. — Разве вы умеете?

¹ «Вот так здоровей» (укр.).

— А хибя ж! Оце... Та й дурень кашу зварить, як пшено та сало¹.

И чумак дал нам попробовать горячей, дымящейся каши из огромной деревянной ложки, отвязав ее от пояса.

— Ай как вкусно! — сказала Устя. — Попробуй!

Я едва достал из глубокой ложки и хотел уже пальцами доставать остатки — так вкусно! Чудо!

— А пострівай, хлопче, я тобі ще зачерпну².

Я обжигался, но не мог оторваться...

Днем, укрываясь от солнца, чумаки лежали под телегой с таранью, среди двора, и ели чухоню — огромную светлую соленую рыбу. Заверотив книзу чешуйчатую кожу, чумак с наслаждением смаковал ее понемногу, прикусывая черныи хлеб громадными кусками.

— А разве чухоня вкусная? — спросила Устя.

Я стоял за ее спиной и удивлялся ее смелости.

— Эге ж! Та як чухоня гарна, та хліб м'який, так геть таки хунтові³.

Фунтовой рыбой назывались осетрина, белуга, севрюга, продававшиеся по фунтам. Тарань продавалась вязанками, а чухоня — поштучно.

II

ВОЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Некоторые пишущие о художниках называли меня казаком — много чести. Я родился военным поселенином украинского военного поселения. Это звание очень презренное: ниже поселян считались разве еще крепостные. О чугуев-

¹ А как же! Это... Дак и дурак кашу сварит, когда есть пшено и сало (укр.).

² Подожди-ка, парень, я тебе еще зачерпну (укр.).

³ А то! Да ежели хорошая чухоня и мягкий хлеб, куда той фунтовой.

ских казаках я только слышал от дедов и бабок. И рассказы-то все были уже о последних днях нашего казачества. Казаков перестроили в военных поселян.

О введении военного поселения бабушка Егупьевна рассказывала часто, вспоминая, как казаки наши выступили в поход прогонять «хранцуза» «аж до самого Парижа», как казаки брали Париж и уже везли домой оттуда кто «микидом», кто «мусиндиле» и шелку на платья своим хозяйкам.

А на русской границе — хлоп! как обухом по лбу! — их поздравляли уланами. Уланам назначили новых начальников, ввели солдатскую муштру. Пока казаков не было дома, их казачьи обиходы в Чугуеве все были переделаны. Часто рассказывала бабушка о начале военного поселения — как узнала она от соседки Кончихи, что город весь с ночи обложен был солдатами. «Верно, опять хранцуз победил, — догадывались казаки, — и наступает на Чугуев. Хранцуз дурак. Сказали вить ему, что чугунный город, а у нас одни плетни были. Смех!»

Бабы напекли блинов и понесли своим защитникам-солдатушкам: «Может, и наших в походе кто покормит». Но солдаты грубо прогнали их: «Подите прочь, бабы! Мы воевать пришли. Начальство, вишь, приказало не допускать: казачки могут отраву принести».

В недоумении стали мирные жители собираться кучками, чтобы разгадать: солдат сказал, что и «город сожгут, если будете бунтовать». Стояли мирно, озабоченные, и толковали: «Вот оказия!»

К толкующим растерянным простакам быстро налетали пришедшие полицейские и патрули солдат, требовали выдачи бунтовщиков. Большинство робко пятилось. Но казаки — народ вольный, военный, виды видали, а полиции еще не знали.

— Каки таки бунтовщики? Мы вольные казаки, а ты что за спрос?

— Не тыкай — видишь, меня царь пуговицами потыкал. Взять его, это бунтовщик!

Смельчаков хватали, пытали, но так как им оговаривать было некого, то и засекали до смерти.

Такого еще не бывало... Уныние, страхи пошли. Но местами стали и бунтовать. Бойкие мужики часто рассказывали о бунтах, захлебываясь от задору. Особенно отличалась Балаклея, а за нею Шебелинка. Казачество селилось на возвышенностях; и Чугуев наш стоит на горе, спускаясь кручами к Донцу, и Шебелинка вся на горе. Шебелинцы загородились телегами, санями, сохами, боровами и стали пускать с разгону колесами в артиллерию и кавалерию, подступившую снизу.

— А-а! Греби его колесом по пояснице! — кричали с горы расхившиеся удалыцы. — Не моём семисотную команду кормить!

Развивая скорость по ровной дороге, колеса одно за другим врезывались о передние ряды войска и расстраивали образцовых аракеевцев. Полковник скомандовал:

— Выстрелить для острастки холостыми!

Куда! Только раззадорились храбрецы.

— Не бере ваша подлая крупа — за нас Бог! Мы заговор знаем от ваших пуль. Не дошкулишь!

Но когда картечь уложила одну-две дороги людьми, поднялся вой... отчаяние... И — горе побежденным... Началось засекание до смерти и все прелести восточных завоевателей...

Отец мой уже служил рядовым в Чугуевском уланском полку, а я родился военным поселянином и с 1848 по 1857 год был живым свидетелем этого казенного крепостничества. Началось с того, что вольных казаков организовали в рабочие команды и стали выгонять на работы.

Прежде всего строили фахверковые казармы для солдат. Нашлось тут дело и бабам, и девкам, и подросткам. Для по-

стройки хозяйственным способом из кирпича целого города Чугуева основались громадные кирпичные заводы. Глины кругом сколько угодно, руки даровые — дело пошло быстро.

Из прежних вольных, случайных, кривых чугуевских переулков, утопавших во фруктовых садах, планировались правильные широкие улицы, вырубались фруктовые деревья и виноградники, замаскировались булыжником мостовые циклопической кладки — Никитинской и широкой Дворянской улиц.

Бабы по ночам выли и причитали по своим родным углам, отходившим под казенные постройки, квартиры начальству, деловые дворы, рабочие роты и воловьих парки.

Я увидел свет в поселении, уже вполне отстроенном; я любовался уже и генеральными смотрами «хозяевам» и «нехозяевам», производимыми графом Никитиным.

На Никитинской, Дворянской и Харьковской улицах каменные хатки для хозяев были как одна. Выстроены, выкрашены *al fresco*¹ наличниками; и так они были похожи одна на другую, что даже голуби ошибались и залетали в чужие дворы. Залинейные домики для «нехозяев» были бревенчатые и столь же однообразные, как и хозяйские на линии.

Инспектор резервной кавалерии граф Никитин был высокий, костистый, сутуловатый старик. Окруженный своим штабом, он стоял на крыльце Никитинского дворца, а перед ним дефилировали «хозяева» города Чугуева и пригородных слобод: Калмыцкой, Смыколки, Зачуговки, Пристена, Осинки и Башкировки.

Мы, мальчишки, взбирались на пирамидальные тополя, росшие на плацу, чтобы лучше видеть и графа Никитина, и проходившее перед ним военное пахарство. И кругом

¹ *Al fresco* — в технике фрески (*um.*) — живописи по сырой штукатурке.

плаца, и далеко по Никитинской улице уходили вдаль серые группы запряженных телег с торчащими дреколями и сошниками, блестящими на солнце.

Разумеется, в первые очереди ставили зажиточных хозяев, с новой сбруей на добрых лошадях, с прочными земельными орудиями. Мы знали всех.

Вот тронулись Пушкарёвы. Отец сидит на передке в форменной серой арестантской фуражке, в серой свитке (армяке); лицо бледное, злое (наряда своего не любят поселане; в сундуках у них лежали свитки тонкого синего сукна, и в церковь они шли одетые не хуже мещан). На задке у Пушкарёва, «нехозяином» по форме, сидит Сашка Намрин — бобыль. Лентяй, я его знаю: он у нас в работниках жил (лошадей боялся); осклабил на нас своими деснами, и выбитый зуб виден. Пара лошадей — сытые, играют, борона новая, спицы толстые, багры длинные, струганные, вилы, косы, молотильные цепи, все по форме, все прилажено ловко и крепко; сошники у сохи длинные, не обтерухи какие, весело блестя.

Сашка корчит из себя заправского солдата; серый армяк у него аккуратно сложен, как солдатская амуниция, пристегнут через плечо, серая фуражка: арестант — две капли воды.

Поравнялись, им скомандовали что-то с балкона — затахтели рысью.

За ними едут Костромитины. Старик Костромитин осунулся в воротник, глаза, как у волка, из-под нависших бровей; вожжи подобрал, пристяжная играет.

— Молодец Костромитин! — мямлит ласково граф Никитин. — Рысцой с Богом!

Загрохотали и эти, блестя толстыми шинами колеса.

Проехали Воскобойниковы на пегих — тоже хорошо. Вот и Заховаевы, старoverы. Заховаев — хозяин добрый. Всю семью свою любит, даже на улице детей своих целует. И теперь веселый, красивый; черная окладистая борода.

Тройка гнedyх — сытая, кнута не пробовала. На облyчке сзади Локтюшка с козлиной бородкой; этому далеко до солдата.

Проезжают, проезжают — сколько их!.. Переродовы, Субочевы, Бродниковы, Раздорские... Всех не переименовать.

А вот Юдины. Эти — бедные, они недалеко от нас живут: лошаденки тощие, маленькие, сбруя веревочная, все снаряды рвань и дрянь... Так. Его записывают: разжалуют его в «нехозяева»... Они лентяи: когда ни заглянешь к ним, всегда лежат на печке; наша работница Доняшка говорила, что с горя «взяться им не за что». А вот и Ганусов! «Калмык дикий», и его прозвание — лютый; он да Зорины из калмыков, говорят, крестились; хозяева они зажиточные, всего вдоволь.

Граф Никитин добрый: он не велел нас, мальчишек, прогонять с тополя, а под нашими ногами, против его дворца, много зрителей — всё мещане и торговцы. Поселяне ненавидят эти смотры, и никто из родственников не пойдет смотреть на позор своих, которых нарядили арестантами напоказ всему миру: гадко смотреть.

За нарядами поселян начальство смотрело строго: поселанки не смели носить шелку. Раз на улице, в праздник, ефрейтор Середа при всех сорвал шелковый платок с головы Ольги Костромитиной — девки из богатого дома — и на соседнем дворе Байрана изрубил его топором.

Девки разбежались с визгом по хатам; улица опустела. Мужики долго стояли истуканами. И только когда Середа скрылся, стали всё громче ворчать: «Что это? Зачем же это-кое добро нивечить?»¹ Надо жаловаться на него. Да кому? Ведь это начальство приказало, чтобы поселанки не смели щеголять. Шелка, вишь, для господ только делаются!»

Если бы вы видели, какой противный был Середа: глаза впалые, злые, нос закорюкой ложится на усища, торчащие

¹ *Нивечить* — портить (укр.).

вперед. Мальчишки его ненавидят и дразнят: «руль». Вот он бесится, когда услышит! Раз он за Дудырем страшно гонялся с палкой. Кричит: «Я тее внистожу!» Дудырь кубарем слетел под кручу к Донцу, а Середа сверху бегаёт и бросает в мальчишку камнями. «Я тее внистожу!» — повторяет как бешеный, а сам страшный!

Досталось и ему однажды, но об этом после.

Несмотря на бесправную униженность, поселяне наши были народ самомнительный, гордый.

На всякий вопрос они отвечали возражением.

— Вы что за люди? — спрашивают чугуевцев, когда их подводы целыми вереницами въезжают в Харьков на ярмарку.

— Мы не люди, мы чугуевцы.

— Какой товар везете?

— Мы — не товар, мы — железо.

На улице каждого проходящего клеймили они едкими кличками. Всякий обыватель имел свое уличное прозвище, от которого ему становилось стыдно.

Кругом города было несколько богатых и красивых сел малороссиян — народ нежный, добрый, поэтичный, любят жить в довольстве, в цветничках, под вишневыми садовками. Чугуевцы их презирали: «хохол, мазец проклятый» даже за человека не считался.

Пришлых из России ругали кацапами. Тоже, купцы курские...

— Прочь с богами — станем с табаком!

— С чем приехали?

— С бакалейцами: деготек, оселедчики, рожочки...

Своих деревенцев из Гракова, Большой Бабки, Коробочкиной считали круглыми дураками и дразнили «магемами». «Шелудь баевый, магем мыршевой!» — ругали их ни за что

ни про что. «Дядя, скажи на мою лошадь „тпру“!» — «А сам что?» — «У меня кроха во рту». — «Положи в шапку». — «Да ня влезя!»

В обиходе между поселянами царила и усиливалась злоба. Ругань соседей не смолкала, часто переходила в драку и даже в целые побоища. Хрипели страшные ругательства, размахивались дюжие кулаки, кровянились ражие рожи. А там пошли в ход и колья. Из дворов бабы с ведрами воды бегут, как на пожар, — разливать водой. А из других ворот — с кольями на выручку родственников. В середине свалки, за толпой, уже слышатся раздирающие визги и отчаянные крики баб. И наконец из толпы выносят изувеченных замертво.

Преступность все возрастала. И чем больше драли поселян, тем больше они лезли на рожон.

Происходили непрерывные экзекуции, и мальчишки весело бегали смотреть на них. Они прекрасно знали все термины и порядки производства наказаний: «Фуктелей!¹ Шпицрутенон!² Сквозь строй!»

Мальчишки пролезали поближе к строю солдат, чтобы рассмотреть, как человеческое мясо, отскакивая от шпицрутенон, падало на землю, как обнажались от мускулов светлые кости ребер и лопаток. Привязанную за руки к ружью жертву донашивали уже на руках до полного количества ударов, назначенных начальством. Но ужасно было потемневшее лицо — почти покойник! Глаза закрыты, и только слабые стоны чуть слышны...

¹ *Фуктель* (фухтель) — плоская сторона клинка холодного оружия. Наказание фуктелями — удары по спине плашмя обнаженным клинком оружия.

² *Шпицрутен* — длинный гибкий древесный прут для телесных наказаний.

Площадная ругань не смолкала, и не одни грубые ефрейторы и солдаты ругались, — с особой хлесткостью ругались также и представительные поселенные начальники красивым аристократическим тембром.

Начальники часто били подчиненных просто руками, «по мордам».

Только и видишь: вытянувшись в струнку, стоит провинившийся. Начальник его — раз, раз! — по скулам. Смотришь, кровь хлынула изо рта и разлилась по груди, окровавив изящную, чистую, с золотым кольцом, руку начальства.

Скользит недовольство по красивому полному лицу, вынимается тонкий, белоснежный, душистый платок, и вытирается черная кровь.

— Ракалья!.. Розог! — крикнет он вдруг, рассердившись.

Быстро несут розги, расстегивают жертву, кладут, и начинается порка со свистом...

— Ваше благородие, помилуйте! Ваше благородие, помилуйте!..

III

МАМЕНЬКА СТРОИТ НОВЫЙ ДОМ

Через нашу Калмыцкую улицу шла большая столбовая дорога. Поминутно проезжали мимо нас тройки и пары почтовых с колокольчиками, часто проходили войска, а еще чаще — громадные партии арестантов. Долго тянулась густая толпа страшных людей с полуобритыми головами. Звенели кандалы, и казалось, будто войско идет. Встречались скованные тройными кандалами с висячей цепью или скованные по трое и более вместе. Страшные, полуобритые головы в серых арестантских шапках... Смотрели они исподлобья, как злые разбойники.

Вздыхали стоявшие у калиток и ворот бабы, выносили паляницы¹, а мужики доставали гроши, копейки, покупали паляницы, бублики тут же, в лавочке, и все это, догнавши, отдавали старшему арестанту впереди отряда. Тот принимал серьезно и почти не благодарил. Вообще поражало в арестантах выражение гордости и злобы. Сколько шло народу!.. Кончалась свора с кандалами — за ними ехали их подводы, на телегах сидели и лежали больные, бабы и дети...

Маменька со своей двоюродной сестрой Палагой Ветчинкиной в каждый годовой и двенадесятый праздник отвозили пироги, булки и бублики в острог и солдатский госпиталь. Уже дня за два перед праздниками пеклись булки и белые паляницы. Заезжала тетка Палага с возом, до половины нагруженным всякими кнышами², калачами и прочей снедью, и маменька с Доняшкой выносили свои запасы и полный воз везли «несчастливым».

Тетка Палага закутывалась большими черными платками, а к самому лицу белой косынкой. Она всегда держала низко голову — лица не было видно. Любила она подолгу сидеть с нашей маменькой запершись, долго на что-то таинственно жаловалась и много плакала. Воз с хлебом без конца стоял у наших ворот, а они все не выходили — горевали в слезах. Кажется, из ее родни кто-то сидел в остроге. Так в слезах и уезжали.

Семья Ветчинкиных была большая, это были хозяева-хлеборобы. Старик — жестокий и буйный во хмелю. Три сына женатых; старшая дочь замужем — приняли во двор за «нехозяина» зятя, а младшая — подросток — глуповатая Наталка. У старших уже были малые дети. И все жили в одном

¹ *Паляница* — украинский хлеб из пшеничной муки.

² *Кныш* — украинский круглый пирожок с запеченной внутри (или уложенной на поверхности, между приподнятыми краями) начинкой.

Репин И.

Р 41 Далекое близкое / Илья Репин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 544 с. + вкл. (32 с.).

ISBN 978-5-389-33531-8

«Обласканный, прославленный, принятый с таким большим почетом, что даже совесть беспокоится о незаслуженности всей этой чести, я выпускаю книгу своих писаний пером... Предлагаю воспоминаньица о самых интересных минутах моей жизни. Мы их не ценим... даже стыдимся и замалчиваем. Я набрасываю о них эскизы...»

Илья Ефимович Репин обладал незаурядным литературным даром. «Далекое близкое» — книга воспоминаний о жизни, коллегах и современниках, составленная и подготовленная к печати в 1915 году, но опубликованная впервые уже после смерти автора, в 1937-м, выдержала более десятка переизданий и была переведена на многие иностранные языки.

«Это чудо что такое!.. Вот как надо писать... И какое счастье за всех, для кого навсегда останутся эти ваши „Записки“, глубокая страница из русской истории», — отозвался критик Владимир Стасов на первую публикацию статьи Репина о Крамском в 1892 году. Написанные необыкновенно ярким, выразительным, пластичным и живым языком, мемуары художника и теперь, более века спустя, неизменно заслуживают восторженные отзывы читателей.

УДК 75
ББК 85.14

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ РЕПИН
ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Валерий Камендо, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.07.2026.
Формат издания 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 33,48 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-NFF-42901-01-R